

Бацзыжоу

— Там же даже кровати нет, как ты собрался спать?

Ань Сынянь слегка нахмурился.

Мало того, что в алхимической комнате не было мебели, там отсутствовали элементарные удобства — ни отдельного туалета, ни душа. Отправить офицера Яня, заплатившего за проживание честными деньгами, спать в «келью»? Или вовсе на пол?

Случись такое на самом деле, гостевой дом мигом возглавил бы топ худших отелей года за «особое отношение» к гостям.

«И куда денется репутация моего заведения? — юноша явно колебался. — Смогу ли я после этого вообще смотреть людям в глаза?»

Янь Чжэнь мгновенно уловил это минутное сомнение на лице хозяина.

Шанс! Мимолетный, но бесценный.

Плевать на кровать, плевать на отсутствие душа! Главное — перебраться на этаж выше, стать еще на шаг ближе к Сыняню...

Спать на коврик для медитаций? Это подарок судьбы.

На голом полу? Суровая аскеза.

Рядом с алхимической печью? Духовное просветление!

Перед лицом такой редкой возможности любые препятствия казались бумажными тиграми.

Офицер решил идти до конца. На его лице воцарилось выражение абсолютного спокойствия, а голос зазвучал так непринужденно, будто речь шла о выборе блюда на ужин:

— Послушай, там ведь есть большой коврик для медитаций, верно? Да и кондиционер работает. У меня в чемодане отличный спальный мешок, так что проблем не будет. К тому же... — он сделал эффектную паузу, добавив в голос нотки заботы о благе гостевого дома. — Твой старый друг так старался, приглашая этого критика. Тот наверняка приедет всего на одну ночь, просто чтобы оценить обстановку. Неужели он не сможет потерпеть ради дела? Да и условия в

алхимической комнате... это ведь своего рода возвращение к истокам.

Янь Чжэнь втайне восхитился собственной способности так складно выкручиваться из ситуации, попадая точно в цель.

Ань Сынянь повернулся и внимательно посмотрел на своего добровольного помощника. Взгляд гостя был кристально чистым, мимика — естественной, а тон — уверенным. И хотя за этой маской скрывалось бешеное волнение, со стороны казалось, что человек искренне готов жить хоть в пещере, если того потребуют обстоятельства.

«Ну... раз он сам так настаивает...»

— Ладно, пусть будет так. Спасибо, что выручил, — хозяин кивнул и вернулся к работе. — Только мыться там неудобно, так что пользуйся моей ванной.

— Хорошо.

Короткий, рубленый ответ. Одно-единственное слово, за которым скрывался целый океан ликования. В душе мужчины в этот миг распускались сады, а сознание уже рисовало картины грядущего соседства.

Ань Сынянь, сосредоточенно перевязывая свиную грудинку соломой, даже не заметил торжествующего блеска в глазах собеседника. Затянув очередной узел, юноша вдруг замер.

Он не выходил в эфир уже несколько дней. На следующей неделе, когда дом заполнится гостями, времени не будет совсем. Значит, стоит воспользоваться моментом прямо сейчас.

Приняв решение, он быстро распустил недовязанную солому. Привел себя в порядок, настроил освещение и, запустив приложение, начал трансляцию.

Взгляд скользнул по счетчику подписчиков — ничего себе, уже перевалило за десять тысяч. Сложно было сказать, сколько из них пришли полюбоваться его лицом, а сколько — кулинарным мастерством; об этом знала лишь бесстрастная статистика платформы.

Когда зрители начали заполнять чат, Сынянь вежливо поприветствовал их:

— Доброе утро, друзья. Сегодня я поделюсь с вами рецептом классического блюда провинции Шаньдун, которое кажется простым лишь на первый взгляд, но требует истинного мастерства.

Он поправил камеру, направляя её на разделочную доску, где лежало несколько кусков сочной свиной грудинки с кожей.

— Бацзыжоу.

В приготовлении настоящего бацзыжоу нужно достичь идеального баланса трех противоположностей: жир должен быть тающим, но не разваренным; постное мясо — нежным, но не сухим; а соус — густым и ароматным, но не приторным.

Для зрителей Ань Сынянь старался объяснять всё максимально просто:

— ...Выбирайте свежую, качественную грудинку с четкими слоями. Эту часть еще называют «мягким бочком». Идеальное соотношение жира и мяса — четыре-пять слоев...

— ...Первым делом нужно прижечь кожу на сухой сковороде, чтобы убрать лишние запахи и добавить аромата. Затем — бланшировка или быстрая обжарка, чтобы вытопить жир и запечатать сок внутри...

В чате мгновенно посыпались сообщения:

[Боже, моё любимое блюдо!]

[Какие руки! Эти пальцы — просто произведение искусства! ×999]

[Проклятый делец! Твоя мята — отравка с пестицидами, я чуть копыта не отбросил после чая!]

[Эту свинину нужно есть огромными кусками!]

Один-единственный злобный комментарий, полный яда, резко выделялся на фоне общего восторга. Хозяин гостевого дома на секунду замер.

Его мята может вызвать болезнь? Исключено.

Даже если не брать в расчет, что продал он всего ничего, каждую веточку он срывал лично в своем саду. Листья, рожденные в ауре гостевого дома, были полны жизни и свежести. Какие пестициды? На них даже пыли не было. Такой чай мог только придать сил и ясности уму.

«Расстройство желудка? — подумал юноша. — Разве что если у этого бедолаги кишечник из папиросной бумаги».

Он не стал вступать в спор, решив проигнорировать выпад. Кто знает, чей это был заказ — конкурентов или просто завистников, чьи глаза покраснели от его быстрого успеха.

— В этом блюде карамелизация сахара — это душа процесса, — продолжал он спокойным,

ровным голосом, не выдавая своих мыслей. — Нужно поймать тот самый миг, когда цвет станет золотисто-коричневым. Если передержать хоть секунду, появится горечь, и все труды пойдут прахом...

Его движения были текучими и точными. Лопатка ритмично постукивала о край сковороды, а в масле медленно расцветала янтарная пена.

— Ну вот, процесс подготовки бацзыжоу завершен. Теперь осталось лишь томить мясо на медленном огне около двух с половиной часов, чтобы аромат соуса пропитал каждое волокно...

Сынянь накрыл глиняный горшок крышкой и перевел взгляд на камеру.

— И еще одно: сегодня я исполню свое обещание насчет розыгрыша.

Он обернулся и взял со стола несколько свежих, полных жизни кустов мяты.

— Сто призов — сто саженцев мяты из нашего сада. — Камера крупным планом показала нежные, изумрудные листья. — Розыгрыш начнется через десять минут.

Чат буквально взорвался:

[Выбери меня! В прошлый раз не досталось!]

[Мята! Та самая, по сто юаней за кустик? Он серьезно её раздает?!]

[Эй, хейтер, ты где? Смотри, он раздает её даром! Умойся своим ядом!]

[Плевать на мяту, ради такого лица и рук я готов на всё! А вдруг он сам привезет заказ?]

Ань Сынянь больше не смотрел на летящие строки чата. Несколькими касаниями он настроил автоматический выбор победителей и, когда время вышло, запустил процесс.

Трансляция закончилась. Личные сообщения мгновенно заполнились адресами счастливыхчиков.

Сверившись с часами, юноша понял, что до обеда еще есть время. Он открыл диалог с Су Да и отправил короткое сообщение: «Будет время — загляни за посылками. Нужно отправить сто заказов».

Ответ пришел мгновенно:

[Буду через полчаса, господин Ань!]

Сынянь одобрительно хмыкнул. Он спустился в кладовую на цокольном этаже, запер дверь и мысленно перенесся в Изумрудное пространство. Для подарков он решил отобрать самые лучшие саженцы, напитавшиеся силой в центре сада.

В пространстве всё дышало жизнью. Растения тянулись к нему, и Тэн Бао, его верная лоза, сразу ласково обвилась вокруг руки. Поглаживая её листья, хозяин ощутил уровень энергии — 5201 нить. Неплохо. Половина пути пройдена, до заветных десяти тысяч осталось совсем немного.

Не тратя времени на раздумья, он принялся за мяту. Каждый кустик бережно выкапывался вместе с комом земли, а корни оборачивались влажной бумагой, чтобы сохранить свежесть. Сынянь действовал осторожно, словно ухаживал за младенцем.

Тэн Бао тоже пыталась помочь, но её методы были слишком грубыми: она норовила просто выдергивать растения за стебли. Юноша со смехом щелкнул её по листу в наказание, и малышка притихла, осознав свою ошибку.

Собрав всю мяту в большую плетеную корзину, Ань Сынянь вернулся в дом. Как раз прошло около получаса.

Су Да прибыл вовремя. Его электроскутер с ярким логотипом доставки затормозил во дворе. Курьер достал стопку упаковочных пакетов и нажал на сигнал. В дверях дома, утопающего в розовом цветении, показался тот самый человек, которого доставщик видел в своих снах.

У парня перехватило дыхание.

«Его лицо... оно стало еще... еще... красивее? Или он просто светится?» — слов не хватало.

Су Да откашлялся, собираясь заговорить, но в этот момент из-за спины Сыняня бесшумно вышел Янь Чжэнь.

— Давай я, у тебя там мясо тушится, — по-хозяйски бросил он.

Курьер с тоской наблюдал, как красавец-хозяин коротко кивнул, передал корзину этому типу и вернулся на кухню. Внутри Су Да вспыхнуло глухое раздражение. Дождавшись, когда Сынянь скроется из виду, он с вызовом посмотрел на мужчину со шрамом:

— Послушайте, «дядя», вы меня в прошлый раз за дурака держали? Я уже от Шуй-лао слышал,

что господин Ань никогда не был женат. Он завидный холостяк, чистый как слеза.

Юноша специально выделил последние слова, вложив в них весь свой скепсис.

«Дядя?!» — Янь Чжэнь нахмурился.

Кого это он назвал дядей? Если парень ослеп, то его глазам самое место в корзине для мусора. Его челюсть напряглась, а голос стал холодным и резким, точно хруст битого льда:

— Холостяк он или нет — не твое дело. Какая тебе разница?

Их взгляды встретились. В воздухе так и затрещали искры. Офицер смотрел на курьера с нескрываемым презрением. Су Да всё понял. Перед ним был соперник, который уже успел окопаться на территории.

«Ишь, прикинулся тут серым волком... — подумал парень. — Хотя нет, какой он волк? Обычный цепной пес, который рычит на каждого, кто подходит к миске».

Доставщик дерзко вздернул подбородок, отвечая на вызов вызывающей улыбкой. Всего несколько секунд безмолвной дуэли — и гора взаимных оскорблений была высказана без слов.

— Хм.

Янь Чжэнь коротко хмыкнул, решив, что спорить с этим недорослем ниже его достоинства. Он молча водрузил корзину на багажник скутера и прижал сверху аккуратную стопку распечатанных адресов. Движения были четкими и властными, не терпящими возражений: «работай и помалкивай». Закончив, он даже не удостоил Су Да взглядом, развернулся и вошел в дом.

Курьер остался стоять у ворот, глядя на гору мяты. Ситуация была дрянь: враг уже проник в цитадель, а он сам появляется здесь раз в две недели. Стиснув зубы, Су Да принялся паковать товар, лихорадочно соображая, как перейти в контрнаступление.

Наступила среда. Утреннее солнце заливало террасу на крыше мягким, прозрачным светом. Ань Сынянь распахнул двери, и прохладный ветерок, напоенный ароматом трав, колыхнул легкие шторы.

У небольшого пруда сидела Чжао Байлу. Она не медитировала, а скорее просто витала в облаках. Заметив наставника, девушка расплылась в почтительной улыбке:

— Доброе утро, наставник!

Лян Чэнь не пошевелился. Он сидел с закрытыми глазами под сенью розовых цветов Сяо Ин. Несколько лепестков упали ему на плечи, мерно поднимаясь и опускаясь в такт его глубокому дыханию. Казалось, он полностью слился с землей и воздухом, достигнув того самого состояния безмолвия, когда весь мир перестает существовать.

Янь Чжэнь, как обычно, замер в беседке. Его фигура была прямой и неподвижной, и лишь костяной гвоздь в его руках выделялся в воздухе невообразимые пируэты, оставляя серебристые росчерки. Было видно, что на третьей стадии его мастерство управления предметами стало куда изящнее.

Вот только рядом с ним, на плетеном кресле, стоял дорогой чемодан, а на нем — переноска с котом. Доучжир сидел внутри с крайне обиженным видом, время от времени царапая когтем прозрачную дверцу. Его зеленые глаза выражали вселенскую скорбь и немой укор хозяину за это заточение.

Сынянь подошел ближе и тихо спросил:

— Не пускает?

Офицер шевельнул пальцем, и костяной гвоздь замер в воздухе. Он обернулся и негромко пожаловался:

— Да. Сяо Ин не дает открыть дверь.

Он проснулся еще в пять утра. Мысль о том, что сегодня он переезжает на третий этаж и переступит порог комнаты Сыняня, жгла его изнутри, не давая уснуть. Чтобы не тратить время зря, он собрал вещи заранее. Кто же знал, что на входе в алхимическую комнату его ждет «таможня»... Как он ни уговаривал лозу, та оставалась глуха к его просьбам.

Словно в подтверждение его слов, розовое дерево затрепетало. Его ветви судорожно сжались, еще плотнее обвивая дверную ручку. Лоза всем своим видом показывала: «Без прямого приказа хозяина — ни за что».

Ань Сынянь понимающе кивнул:

— Ты — практик Металла. Металл губит Дерево. Это закон природы, его не скроешь. Любое существо стихии Дерева, будь то человек или растение, будет чувствовать перед тобой инстинктивный страх. Сяо Ин просто защищается.

— И ты тоже... чувствуешь это? — выпалил Янь Чжэнь, едва не прикусив язык.

Сынянь медленно повернул голову. Он не сделал ни одного движения, не выпустил ни капли силы, но мужчина вдруг почувствовал, как на него наваливается невидимая, колоссальная тяжесть. У него внутри всё ёкнуло, и он мгновенно замолчал, боясь даже вздохнуть.

Хозяин дома отвел взгляд, и давящее чувство исчезло, будто его и не было. Он подошел к дереву и ласково коснулся его ствола:

— Всё в порядке. Теперь он будет жить здесь. Когда я дома — можешь его пускать. Не нужно препятствовать.

Лоза мгновенно расслабилась и радостно затрепетала. Ветви послушно разошлись в стороны. Она поняла: раз хозяин разрешил, значит, всё хорошо.

Янь Чжэнь облегченно выдохнул и, подхватив чемодан с котом, быстро вошел в комнату. Внутри всё оставалось прежним: одинокий котел, коврик на полу и тонкий аромат трав. Время здесь словно застыло.

Сынянь не стал заходить внутрь, лишь бросил через плечо:

— Устраивайся и спускайся. Сегодня нужно много чего купить, особенно напитки. Мопед А Гуана не потянет такой вес, так что поедем на пикапе.

У «водителя Яня» снова появилось задание. Он энергично кивнул:

— Понял!

Днем в холле воцарилась тишина ожидания. Ань Сынянь лениво опирался на стойку регистрации, пролистывая ленту в телефоне. Часы на стене пробили ровно три. За воротами раздался звук заглохшего двигателя.

Прибыли.

Сынянь поднял взгляд. Первым в дом вошел мужчина лет пятидесяти. От него веяло строгостью и педантичностью: волосы идеально зачесаны назад, на лбу — глубокие морщины. На нем был дорогой, но неброский серый пиджак, а за золотистой оправой очков скрывался пронзительный, оценивающий взгляд.

Едва переступив порог, гость принялся изучать обстановку: декор, мебель, даже чистоту в углах. Этот человек идеально подходил под описание сурового критика, о котором говорил Ми Чжи.

Сынянь сразу всё понял. Но вот тот, кто шел следом за У Хунляном, стал для него полной неожиданностью.

Высокий парень в белой рубашке и джинсах. Волосы средней длины, собранные в небрежный хвост. Лицо скрыто большой черной маской, а в правом ухе сверкает крупный бриллиант. Несмотря на маскировку, хозяин узнал эти глаза — миндалевидные, с лукавым прищуром.

Это был Чэн Си.

Этого человека забыть было невозможно. Это был его «просветитель» в вопросах ориентации, который когда-то страстно преследовал его полтора года подряд. Чэн Си обожал эпатаж; он мог явиться к аудитории в пышном готическом платье и с огромным букетом цветов, собирая толпы зевак.

У Хунлян едва успел оглядеться, как мимо него пронесся его племянник, который всю дорогу ныл. Чэн Си пулей подлетел к стойке, сорвал маску, и его глаза расширились от дикого восторга. Голос разнесся по всему холлу:

— Боже! Няньнянь!

У Хунлян замер: «Что еще за Нянь-Нянь? Что это за спектакль?»

Он в недоумении посмотрел туда, куда уставился парень. У стойки стоял молодой человек.

«Так... — критик вспомнил слова Ми Чжи. — Ищите самого красивого, не ошибетесь!»

И это лицо...

Это лицо...

«Это что, и правда повар?!»

Весь профессиональный опыт У Хунляна в этот миг подвергся жесточайшему испытанию. Он еще раз окинул Сыняня взглядом. Этот юноша совсем не был похож на человека, который годами стоит у плиты в кухонном чаду.

Пока гость предавался сомнениям, его племянник вцепился в руку Сыняня и издал звук, удивительно похожий на гоготанье гуся:

— А-а-а-а! Няньнянь! Это правда ты! Откуда ты здесь взялся?! То-то же! Я тебя по всему Киото обыскался! А ты, оказывается, спрятался здесь и открыл гостевой дом?!

Ань Сынянь почувствовал себя неловко под таким напором. Встретить старого знакомого было приятно, но этот порыв был явно лишним. Их встреча мгновенно привлекла внимание всех присутствующих.

На кухне Лян Чэнь на секунду поднял голову, но тут же вернулся к работе. Чжао Байлу лишь лениво приоткрыла один глаз. Писклявое «Няньнянь» и вычурный вид гостя её не впечатлили.

И только Янь Чжэнь в гостиной замер. Он отложил ноутбук, медленно поднял взгляд и нахмурился, переводя свои чувства в режим полной боевой готовности.

<http://bllate.org/book/15856/1500739>